

гу. И он злится на меня, когда ему хочется покурить. Приходя ко мне в гости, он держится, держится, но потом я все-таки разрешаю. И думаю: "Раз я не понимаю эту страсть, значит, я должна поверить на слово, что это необходимо". Пытаюсь его отучить курить. Пока не удастся, но я буду бороться до последнего. И уверена, что он бросит. Еще ему все равно, что запихнуть в желудок. Я отношу себя к людям, которые знают, как правильно питаться, и мне невыносимо видеть, как он ест жареную картошку с мясом. Это у него называется "картошечка подомашнему" - его любимое блюдо.

- Ты по-прежнему расслабляешься в тренажерных залах?

- Да, стараюсь ходить туда хотя бы через день, когда я в Москве. Это единственное место, где мне удастся ни о чем не думать. Я там так загружена физически, что нет возможности и сил, чтобы загрузить мозг еще чем-то. Я всегда спортом занималась. И в зависимости от возможностей на гастролях или бегаю, или делаю упражнения в номере. Мне гораздо тяжелее без спорта. Очень некомфортно. Ну и, конечно же, для меня главное - сон.

ПРИЗРАКИ ДЕТСТВА

- Ты очень часто бываешь на гастролях в своем родном городе Питере. Ты любишь приезжать туда?

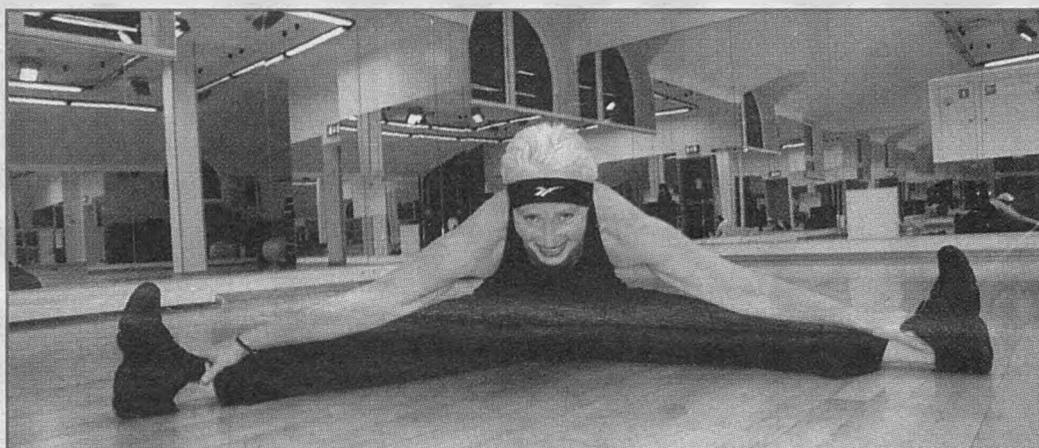
- Я не люблю этот город. Питер для меня - сплошные потери. Детство было безрадостным, тревожным, потому что мы жили тяжело, очень бедно. Много болел и рано умер папа. С этим городом связаны все мрачные воспоминания. Поэтому я без сожаления уехала оттуда, хотя осталась тоска по всем родным, оставшимся там. Питер и сейчас для меня полон детских призраков. Каждый раз на съемки или спектакль я еду по одному и тому же маршруту: мимо своего дома на Загородном проспекте, мимо своей школы. Каждое место о чем-то мне говорит. Человек так устроен, что из детства ярче всего помнятся обиды, а не праздники. Мне кажется, детство складывается из моральных травм и обид. Хотя я помню и праздники тоже, например такие, как дни рождения, которые родители всегда устраивали, несмотря на нищету, в которой мы жили.

- И какими были эти праздники?

- Может быть, праздник был в большей степени во мне самой, и я сама создавала себе праздничное настроение. Но мама пекла кругленькие булочки с кремом внутри. Этот крем мы долго взбивали всей семьей. Потом он закладывался внутрь булочек, и это все пряталось на шкаф, чтобы я раньше времени их не нашла. Но поскольку место никогда не менялось, то, естественно, я все находила и чуть-чуть отъедала крем из булочек. Чтобы не начались подозрения, я, как мне казалось, делала это осторожно. Еще помню, как по субботам мы ходили в баню, поскольку ванны в коммунальной квартире, где мы жили, не было. И папа делал нам своеобразные поздравления, вывешивал на стене плакаты, на которых писал: "С легким паром, мои любимые девочки" (это относилось ко мне, маме и моей старшей сестре Алле), рисовал на них мыло, каких-то голых людей. Это было смешно и приятно. Мы приходили, читали эти плакаты и садились пить чай - был наколот кусковой сахар и лежали сушки или баранки. Вот таким у нас был праздничный чай. Я и не догадывалась, что можно жить иначе, думала, что сушки и чай на праздничном столе - нормальное явление. Поэтому тогда меня это совершенно не печалило. А вот булочки были по большим праздникам: 1 Мая, 7 ноября и в дни рождения. Но самым большим лакомством для меня было... сливочное масло. Мне врезалось в память, как мама возвращалась из магазина и несла масло - зимой оно было очень замерзшим и очень вкусным, - и прямо на лестнице она откалывала мне кусочек, и я съедала его вместо мороженого. Это вызывало у меня ощущение невероятного счастья. Уже позже появилось шоколадное масло, которое тоже подавалось к столу как сладкое. Я тоже ела его без хлеба, поскольку это был продукт настолько необычного вкуса и счастья, что я не хотела его ни с чем смешивать и портить себе это ощущение.

- Ты сказала, что каждый раз проезжаешь мимо школы. Она тоже связана с грустными воспоминаниями?

- Пожалуй, все самое неприятное было связано со школой, которая была для меня страшной пыткой. Я ее боялась как огня. Боялась получить взбучку от родителей. Все время жила в страхе. Большая, с температурой, ходила в школу. У меня было такое спартанское воспитание, совершенно непонятно, за какие грехи. Но сейчас у меня благодаря этому повышенная сопротивляемость. Сначала я училась в школе у Пяти Углов. Это была обычная районная школа, но очень хорошая. К сожалению, после восьмого класса меня попросили оттуда уйти, так как я плохо училась по математике, физике, химии, - эти предметы были мне неинтересны, и я портила картину успеваемости. Я попала в школу на Фонтанке рядом с Невским. То, что меня, как человека второго сорта, перевели в другую школу, стало для меня одной из пер-

вых травм. Постоять за меня было некому, да и незачем. Переход скрасило то, что со мной ушла близкая подруга, которую оставляли в школе, но она решила не расставаться со мной. Но уже в старших классах я сумела завоевать авторитет среди новых одноклассников. В десятом, одиннадцатом классах я что-то устраивала, показывала - смешила, развлекала, читала стихи. Я уже ходила в студию художественного слова и переборолла в себе невероятную стеснительность, заняла свое место. Меня стали уважать, и я начала интересоваться даже отличников.

ЧЕЛОВЕК ИЗ КОММУНАЛКИ

- НЕ ПОТОМУ ли ты уехала из Питера (тогда Ленинграда) поступать в Москву, что не любила его?

- После школы я поступала во все актерские вузы, включая ленинградский. Меня приняли везде, но я выбрала Школу-студию МХАТ и с тех пор стала делать очень правильные интуитивные шаги. Началась самостоятельная жизнь, к которой я была совершенно не подготовлена. Тем не менее всему научилась, привыкла и прожила в общежитии в общей сложности около десяти лет: четыре года в институтском, потом пять лет в общежитии Театра сатиры. Я себя нормально там чувствовала и даже не хотела оттуда уезжать.

Жизнь в общежитии - для меня уже привычка. Я выросла в коммунальной квартире, в которой было 30 комнат и жили 30 семей, общая кухня с двумя раковинами и один туалет. В Ленинграде очень много таких квартир. У нас было две комнаты. Я вообще до сих пор строю свою жизнь, как в коммунальной квартире. Все делаю сама. Этот навык прививается на всю жизнь. У меня многое оттуда, даже генеральная уборка, которая у меня каждый день. Я люблю порядок. Меня не очень удручают гости, периодически живущие у меня в доме, потому что я быстро адаптируюсь в любом коллективе. Точно так же я отношусь к перемене места жительства - помимо коммунальной квартиры и общежития я много раз снимала квартиры. В студенческом общежитии первые годы у нас были условия, как в старой больнице, - в ряд стояло 15 кроватей. Но тогда и это казалось нормальным: у тебя была тумбочка, свое место в шкафу. У нас даже не было серьезных конфликтов в отличие от коммунальной квартиры, где были постоянные скандалы, драки. Может быть, потому, что жаловаться было некому. Но сложности, ко-

нечно, присутствовали, поскольку все были совершенно разными, - одни приходили домой в час ночи, а я и тогда любила рано ложиться. Кто-то начинал поздно жарить макароны и долго их есть, кто-то - петь. Нередко жарили и съедали вместе сковородку картошки. В общем, мы то сближались, то ссорились. Но врагами никогда не становились. К концу учебы мы уже стали жить шикарно, по 3-4 человека в комнате.

- В отличие от школы об институтской жизни обычно вспоминают с удовольствием...

- У нас был очень дружный курс. Мы встречались, проводили вместе все праздники и дома у москвичей, и в общежитии. В отличие от современной молодежи у нас не было возможности пойти в ресторан. Мы собирались, варили ведро картошки, покупали селедку, дешевую водку. Вспоминаю об этом с трепетом. Я и по сей день люблю так проводить время среди очень близких мне людей, особенно дома. Но как только появляются чужие, я сразу предлагаю пойти куда-нибудь.

- А как потом складывались отношения с коллегами в Театре сатиры?

- Я не понимала тогда, как ко мне относились в труппе Театра сатиры. Роли были сложными, но мне никто, кроме меня самой, не мог помочь. Были падения. Но именно благодаря им сама, не отдавая себе отчета в этом, я вставала на ноги, поднималась по ступеням и в конце концов росла в профессии. В Сатире я сыграла весь классический репертуар и много ролей в советских пьесах. У меня был момент, когда я чуть не оказалась в "Современнике", но Плучек бы меня не отпустил никуда, и это был бы очередной скандал. Но однажды, видимо, нам обоим попала вожжа под хвост, и он сразу подписал мое заявление.

- Несмотря на твою "помешанность" на театре, ты решила родить двоих детей. Дети тебе как актрисе дали что-то?

- Конечно. У меня был бы комплекс неполноценности, если бы у меня не было детей. Я не была бы такой актрисой без них. Хотя многие считали, что я не должна рожать. Что должна отдать себя на заклятие этому монстру-театру и принадлежать только ему. Но я с этим была не согласна. Просто поняла, что очень хочу родить ребенка и меня уже ничто не остановит. На меня очень обижался Плучек, когда я забере-

